

Поэт в России — больше чем поэт

Встр. Москва. — 1993. — 16 июля.

ТРИ РАЗА ПО 20

Его стихи «царапают» и знатоков, и дилетантов. Они берут за живое, заворачивают искренностью и неподдельным чувством.

Тридцать лет назад А. Т. Твардовский сказал о Евтушенко: «Мука с ним в том, что не знает истинных причин своего «успеха», на ощупь идет к серьезности и взрослости (но идет!)... небрежен к слову, не испытывает стыда от строчек и слов случайных, первых попавшихся... Но все же дай ему Бог понять кое-что и оставить позади свою, как говорится, затянувшуюся молодость».

18 июля Евтушенко исполняется 60 лет. Позади путь длиною в десятки тысяч стихотворных строк.

— Евгений Александрович, помня ваши слова «таланту, а не возрасту быть равен», все же поздравлю вас с 60-летием. А как дела с «затянувшейся молодостью»?

— Да что вы! Мне не 60, а три раза по 20. Представляете какой накал страстей, чувств и энергии? Я чувствую себя человеком сразу нескольких возрастов.

— Из вашей ранней поэзии: «Езжу, плаваю, летаю, все куда-то торплюсь, книжки умные читаю, а умней не становлюсь...» Прожив три раза по 20, вы выполнили свою личную программу-минимум?

— Даже перевыполнил. Хотя я вообще-то никогда ничего не планирую. Разве же я мог даже мечтать о том, чем сегодня богат? Мои книги, мои воспоминания, встречи, радости и печали. Я объехал весь мир, побывал в 93 странах. В молодости писал: «Границы мне мешают, мне неловко не знать Буэнос-Айреса, Нью-Йорка...», а меня грубо окрикнули: «Ишь ты, какой прыткий! Нечего стремиться за границу,

когда не овладел основами марксизма-ленинизма!» Конечно, я был чересчур романтичным и, как все романтики, во многом обманулся. Но это не было сознательным закрыванием глаз на что-то. Это было медленным и мучительным прозрением. Многие стихи не выжили, но многие и остались навсегда. И это главное мое богатство — любовь и признание людей. «Но если столько связано со мною, я что-то значу, видимо, и стою?»

Помните хотя бы мою песню «Ах, кавалеров мне вполне хватает, но нет любви хорошей у меня»? Она стала знаменитой и по сей день звучит зачастую как народная. Для меня это самый высший комплимент.

— Ваш жизненный и творческий девиз?

— «Людей неинтересных в мире нет». Я не считаю, что знаменитые люди самые интересные. Огромное количество потрясающих людей вокруг нас, просто они не на виду. Виднее подонки и мерзавцы. Глав-

ное — не терять любопытства и интереса к жизни.

— Вы сняли два фильма — «Детский сад» и «Похороны Сталина». Как говорится, третьего не минувать...

— Я очень соскучился по съемкам. Уже написал четыре сценария. На днях получил известие о том, что телевизионная компания «Би-би-си» заключает со мной договор на сценарий для моего третьего фильма «Донна Кихота», с великой английской актрисой Ванессой Рэндгрэйв. Это будет современный вариант известного произведения.

— А ваша последняя писательская работа?

— Роман «Не умирай прежде смерти» — о путче, о любви, о футболе... Частично роман автобиографичен. Так сложилась моя судьба, что я женат уже в четвертый раз, и в романе я исповедуюсь перед читателями, выражая своим любимым благодарность за все, что было в нашей жизни.

Но роман не только автобиографичен, он носит черты и детективного, и политического романа. В нем действуют известные политические деятели и выдуманные персонажи.

К сожалению, его издали не у нас, а в Америке. Там это произошло в рекордный срок — 15 дней от рукописи до готовой книги. Мой американский издатель спешил, боясь, что книга первой выйдет у нас, и ловкие дельцы чемоданами будут возить ее в Штаты, создавая конкуренцию. У них были подобные случаи, ведь наши книги в несколько раз дешевле. А вышло совсем наоборот. Я очень был расстроен, когда увидел первые экземпляры своего романа у нас на Кузнецком за... 15 тысяч рублей. А нашего издания все еще нет.

— Литература, в частности поэзия, в нашей стране стала в последнее время как бы немодной. Нет больших поэтических вечеров, литературных встреч. Чем объясните это?

— Мы, поколение «шестидесяти-

ков», боролись с политической цензурой, и в этой борьбе мы победили. Но вдруг на смену этой цензуре пришла цензура коммерческая. Посмотрите, что продают в подземных переходах. Сейчас самый печатающийся на русском языке автор — политический детективщик Чейз. Я не встречал в Штатах ни одного мало-мальски уважающего себя человека, который знал бы эту фамилию.

Чем всегда была славна Россия? Не уютом и комфортабельной жизнью, а прежде всего своей литературой. Нигде никогда так не любили поэзию, как в России. Писатели на Руси всегда были вестниками исторических перемен.

— Почему же сейчас литература оказалась сиротой?

— Когда-то Тютчев сказал: «О, если бы живые крылья души, парящей над толпой, ее спасали от насилья бессмертной пошлости людской...»

Пошлость была, есть и будет, и не стоит тратить много времени и сил на нервное возмущение. Но! Не дай Бог, чтобы пошлость в соревновании с духовностью имела преимущество. Сейчас пошлость обладает большим количеством печатных станков, большим количеством бумаги, у нее сейчас больше денег, поэтому она загребаста все сцены... Но это дело времени. Духовность жива. Возьмите наши театры. Нигде в мире нет таких. Я видел «Сирано де Бержерака» на сцене с Бельмондо, видел на экране с Депадье, но когда я увидел постановку Константина Райкина, я онемел от восторга и гордости за наши таланты.

Пока у нас не сформировалось большое, сильное меценатство, которое свойственно всем развитым странам, только государство, не контролируя и не лезя искусству в душу, как это делалось раньше, может помочь искусству. Вернее, оно обязано ему помочь.

— Вы человек, попробовавший себя и в политике. Где вам уютнее — в поэзии, политике или кино?

— Уютнее всего я себя чувствую в кругу своих самых близких друзей, за столом с рюмочкой хорошего вина.

Если говорить начистоту, то к политике я никогда не относился как к профессии. Это было само-

пожертвованием и отнимало много времени и сил. Поэт в первую очередь хранитель духовности народа. Но я счастлив тем, что был депутатом рядом с Андреем Дмитриевичем Сахаровым. Я счастлив, что не обманул своих избирателей, так как не обещал им ничего заведомо невозможного.

Сейчас главная политика — экономика. Нужны люди, которые собой персонифицируют слияние дела и духовности, собой будут олицетворять собственные экономические идеи и их воплощение в жизнь. Время ничего не понимающих в экономике политиков, имеющих рядом мозговой трест, проходит.

— Сегодня что больше всего вдохновляет на творчество?

— Все! и любовь, и политика, и быт. Не отдаю предпочтения ни одной теме.

Недавно я побывал на Командорских островах. Там наблюдал очень страшное зрелище — как дерутся большие моржи. Во время таких «войн» они часто нечаянно убивают своих детенышей, раздавливая их своими грузными телами. Их называют там «давленными». Такими вот «давленными» оказывается сейчас и наша молодежь, до которой зачастую нет дела большим политическим и экономическим силам, ведущим борьбу за власть. Разве это не тема для литературного произведения?

— Как отпразднуете свой юбилей?

— Будет мой творческий вечер в Концертном зале «Россия» 21 июля. Прозвучат новые произведения и стихи прошлых лет. Мои друзья Татьяна и Сергей Никитины исполнят мои новые песни.

Хочу отметить, что в организации вечера мне очень помог банк «Кредит-Москва». На вечере будет продаваться моя новая книга «Нет лет».

Вообще я противник официальной юбилейщины, поэтому отказался от традиционных приветствий, вручения адресов. Мне это не нравится. Буду просто читать стихи.

— А что бы вы сами себе пожелали в свой праздник?

— «Быть бессмертным не в силе, но надежда моя: если будет Россия, значит буду и я».

Наталия САМОЙЛОВА.

Фото автора.